

24615

РУССКІЕ ВЪ АЗІАТСКОЙ ТУРЦІИ

24615

ВЪ 1854 И 1855 ГОДАХЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ: О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ЭРІВАНСКАГО ОТРЯДА.

Генералъ-Маіора М. Духутіна.

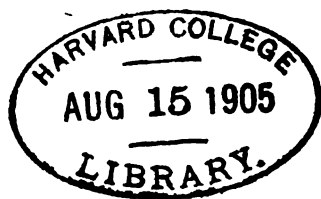

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

1863.

УДК 655.3

Prof. A. L. Coolidge

Одобрено Ценсурою С.-Петербургъ. 28-го Ноября 1862 года.

РУССКІЕ

ВЪ АЗІАТСКОЙ ТУРЦІИ

въ 1854 и 1855 годахъ.

I. Вторженіе Турокъ въ Эриванскую губернію въ 1853 году.

Непріятельскія дѣйствія въ Азіатской Турціи въ концѣ 1853 года были начаты Турками. Толпы баши-бузуковъ, состоявшія преимущественно изъ Курдовъ, вторглись въ наши предѣлы; между прочимъ, напали на Донскихъ казаковъ расположенныхъ кордономъ въ Эриванскомъ уѣздѣ вдоль границы Турціи, сняли нѣсколько постовъ и разграбили нѣсколько селеній. Сосѣдство Курдистана доставляетъ Туркамъ возможность собрать скоро ополченіе изъ Курдовъ, постоянно вооруженныхъ и готовыхъ на хищничество. Въ этомъ состоитъ преимущество ихъ передъ нами, которое всегда останется за ними, потому-что мы не можемъ усвоить способъ войны расхищенія пограничныхъ турецкихъ областей и грабежа турецкихъ подданныхъ, которыхъ мы, напротивъ, всегда покровительствуемъ; преимущество очень вредное, показывающее впередъ, съ самаго начала войны, все превосходство нашего владычества въ здѣшнихъ мѣстахъ передъ турецкихъ; они вносятъ къ намъ разореніе и истребленіе; мы приносимъ въ ихъ области порядокъ. Но открытіе ими военныхъ дѣйствій прежде насъ, во всякомъ случаѣ для насъ вредно первыми своими послѣдствіями.

Въ Эриванскомъ уѣздѣ находились только линейный баталіонъ, расположенный въ городѣ и крѣпости Эривани, и Донской полкъ, содержавшій таможенный кордонъ. О непріятелѣ неимѣли никакихъ свѣдѣній; не знали ни силъ, ни намѣреній его. Вторженіе бани-бузуковъ и грабежъ пограничныхъ селеній навели ужасъ на Армянъ, которые прежде всѣхъ подвергались хищничеству музульманъ, и произвели слухъ, что турецкія войска, въ томъ числѣ регулярныя, перешли границу въ значительныхъ силахъ и идутъ на Эриванъ, которая была совершенно открыта. Смятеніе распространилось и въ этомъ городѣ. Линейный баталіонъ и всѣ начальства перешли въ крѣпость; туда же перевезли казенныя имущества, и приняли нѣкоторыя мѣры къ оборонѣ. Хотя Турокъ еще не видѣли даже на правомъ берегу Аракса, но прежде всего явилось опасеніе волненій между музульманскимъ населеніемъ города и всего края, и въ крѣпость спасались преимущественно отъ этого. Русскіе жители Эривани не могли забыть этого тревожнаго времени еще въ концѣ 1854 года, когда опасность миновала.

Эриванская губернія населена Армянами григоріанскаго исповѣданія, коренными, самыми древними жителями этихъ мѣстъ, и музульманами разныхъ племенъ и сектъ, Персіянами, Татарами и Курдами, пришедшими сюда впоследствии въ разныя времена, какъ завоеватели, и основавшимися на развалинахъ древняго Армянскаго царства. Христіане, т. е. Армяне, и музульмане живутъ преимущественно отдѣльными селеніями и рѣдко въ одномъ селеніи вмѣстѣ. Нѣтъ большихъ пространствъ заселенныхъ одними христіанами или одними музульманами, а вездѣ селенія тѣхъ и другихъ перемежаны и находятся въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Музульмане прежде пользовались всеми преимуществами надъ покоренными христіанами; съ присоедине-

ніемъ же этого края къ Россіи, положеніе ихъ измѣнилось. Хотя они не потеряли ни имуществъ, ни гражданскихъ правъ, но одно уравненіе ихъ съ христіанами было уже обидно, особенно для высшихъ сословій, привыкшихъ находить-ся въ главѣ мѣстнаго управленія; на дѣлѣ же положеніе ихъ выходило еще непріятнѣе. Армяне скоро пріотали къ Русскимъ, выучились русскому языку, воспитываются въ русскихъ школахъ и поступаютъ въ русскую службу, въ которой они по правамъ своего образованія тотчасъ пользуются всѣми преимуществами, присвоенными высшему сословію. Большая часть чиновниковъ Эриванской губерніи была изъ Армянъ. Самолюбіе музульманъ страдало отъ необходимости быть въ подчиненіи и кланяться тѣмъ, съ кѣмъ они обращались прежде какъ съ рабами. Они охотно и безропотно подчинялись Русскимъ какъ побѣдителямъ и завоевателямъ, — достоинства, передъ которыми самолюбіе молчитъ и противъ которыхъ нѣтъ спора на Востокѣ, — по-крайней-мѣрѣ въ Турціи и Персіи, гдѣ масса народа привыкла къ переменамъ властителей; но власть Армянъ была еще для многихъ оскорбительна. Безсомнѣнія, надо допустить и то, что чиновникъ Армянинъ немогъ въ короткое время освободиться отъ чувствъ непріязни и даже мщенія своего народа къ своимъ прежнимъ притѣснителямъ, и эти чувства могли невольно выражаться въ новомъ его положеніи, при исполненіи имъ на мѣстѣ правительственныхъ обязанностей своего новаго званія — русскаго чиновника; надо допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ пристрастенъ въ пользу своего брата Армянина и во вредъ музульманина, и что по его тайному убѣжденію, или по чувствамъ, это было справедливо и законно. Армяне вытерпѣли столько притѣсненій, понесли столько потерь, что имъ трудно воздержаться отъ желанія заплатить за прошедшее и вознаградить его какими бы то ни было сред-

*

ствами; положеніе дѣлъ пока неизбежное и по самому положенію края, т. е. населяющихъ его племенъ, и по недостатку русскихъ чиновниковъ. Понятно, что многіе музультмане были рады начавшейся войнѣ, которая давала имъ надежду на переворотъ опять въ ихъ пользу, и сочувствовали единовѣрцамъ своимъ, Туркамъ, хотя многіе были другой секты. При разгарѣ новыхъ надеждъ и старой неприязни, неудовольствіе могло между музультманами Эривани выразиться смѣлѣе, хотя одними словами. Въ началѣ войны, обыкновенно, надежды и планы враждующихъ сторонъ бываютъ очень велики: мы мечтали о Константинополѣ и Іерусалимѣ, Турки о Москвѣ или по меньшей мѣрѣ о Тифлисѣ и Астрахани. Большія намѣренія одной стороны, часто пугаютъ другую сторону, хотя отъ намѣреній до исполненія еще далеко. Понятно также, что небольшая колонія Русскихъ, находившихся въ Эривани, окруженная музультманами, была напугана первыми дѣйствіями Турокъ и грозными слухами, которые приходили со всѣхъ сторонъ о ихъ силѣ и намѣреніяхъ. Войска наши, назначенныя въ составъ формировавшагося здѣсь Эриванскаго отряда, спѣшившія по частямъ къ Эривани усиленными переходами, входили въ эту сферу страха и преувеличенныхъ слуховъ о Туркахъ.

Читая переписку и слушая рассказы того времени, вездѣ видишь излишнее уваженіе къ непріятелю. Турокъ считали многочисленнѣе, предприимчивѣе, храбрѣе и благоустроеннѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ. Будто существовало тайное убѣжденіе, что они опередили насъ и что наши ихъ сдѣлались превосходными. Мнѣніе о благоустройствѣ турецкаго войска и нападеніе ихъ первыми, должны были имѣть вліяніе на нашъ образъ дѣйствій противъ непріятеля, и потому мы видимъ, что даже послѣ случившихся побѣдъ, дѣйствія наши были осторожны. Первое впечатлѣ-

ніе всегда сильно, и едва ли оно не оставило своего вліянія не только на дѣйствія 1853 года, но и на послѣдующія. Первый бой должны были бы разсвѣять понятія, основанныя только на незнаніи непріятеля и нечаянности нападенія, и показать, что положеніе наше въ сущности не перемѣнилось, что Турки, по меньшей мѣрѣ, остались такими же какими были прежде и что не одна выучка солдатъ составляетъ войско.

Въ октябрѣ 1853 года въ составъ Эриванскаго отряда собралось четыре баталіона пѣхоты, батарея, Донской полкъ и нѣсколько сотъ конной милиціи, собранной изъ жителей Эриванской губерніи, музульманъ и Армянъ. Послѣдствія показали, что для этого отряда наступательныя дѣйствія были возможны и могли увѣнчаться успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ они были необходимы, чтобы въ самомъ началѣ войны попробовать разъяснить свое положеніе и разстроить намѣренія непріятеля, которыя также не могли быть еще точны, — даже для того чтобы хотя посмотреть на Турокъ, которыхъ пока еще невидѣли, а только слышали о нихъ. Одна оборона, даже одно ожиданіе появленія непріятеля, отнимали всякую возможность сноснаго положенія и определенной цѣли; заставляли принаравливать свои дѣйствія къ воображаемымъ дѣйствіямъ непріятеля и основывать ихъ на недѣльныхъ слухахъ, казавшихся возможными въ общей тревогѣ. Жители и милиціонеры безпрестанно сообщали свѣдѣнія о появленіи Турокъ въ разныхъ мѣстахъ, о движеніи ихъ по разнымъ направленіямъ, и отрядъ долженъ былъ дѣлать бесполезные переходы для встрѣчи непріятеля, котораго не было. Ложные слухи и ложныя свѣдѣнія распространялись и сообщались часто съ намѣреніемъ: Армянами, — боявшимися грабежей баши-бузуковъ и Курдовъ, для того чтобы привлечь къ своей сторонѣ части войска; музульманами, — опасавшимися истребленія сво-

ихъ полей, чтобы отвлечь насъ въ противную сторону, и нашими милиціонерами, чтобы предупредить возможность встрѣчи нашей съ Турками.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ турецкій отрядъ, въ составѣ четырехъ баталіоновъ, шести орудій и до двухъ тысячъ баши-бузуковъ и Курдовъ, перешелъ въ наши предѣлы по дорогѣ отъ Баязета на Орговскій постъ и двигался къ с. Игдырю. Расположенные въ этомъ селеніи наши казаки и милиціонеры отступили съ перестрѣлкою, преслѣдуемые баши-бузуками; на помощь казакамъ выдвинулся баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями, — которыя сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, — и остановился въ ожиданіи прибытія остальныхъ силъ отряда, спѣшившихъ отъ Эчміадзина за Араксъ на встрѣчу непріятелю. Оба отряда были равносильны; можно было надѣяться, что въ рѣшительномъ бою Турки будутъ разбиты; ихъ можно было бы совершенно разсѣять и овладѣть ихъ артиллеріею и обозами, потому-что они перешли хребетъ Агри-дагъ, отдѣляющій здѣсь Россію отъ Турціи, и отступление ихъ было бы трудно. Къ-сожалѣнію, получили увѣдомленіе, — одинъ изъ безчисленныхъ ложныхъ слуховъ, повторявшихся уже прежде, — что 20 тысячъ непріятеля идетъ съ другой стороны, отъ Арпачая на Сардаръ-Абадъ и Эчміадзинъ, и потому сдѣлано было распоряженіе перейти на эту дорогу, и слѣдовательно отступить отъ Игдыра. Всѣ войска нашего отряда переправились ночью обратно на лѣвый берегъ Аракса и сосредоточились къ Эчміадзину; съ послѣдними частями перешли, кто успѣлъ, съ правой стороны Аракса на лѣвую, нѣсколько десятковъ, или сотни армянскихъ семействъ.

Можно было ожидать, что Турки станутъ продолжать свое наступленіе и даже преслѣдовать насъ, но вышло на оборотъ. Паническій страхъ овладѣлъ ими. Напуганные какими-то слухами и опасаясь вѣроятно нашего нападенія, —

въ ту же самую ночь, когда войска Эриванскаго отряда отступили съ правой стороны Аракса на лѣвую, къ Эчміадзину, Турки отступили въ величайшемъ безпорядкѣ отъ Игдыра въ горы, къ Орговскому посту. По показанію жителей—очевидцевъ, ночное отступление ихъ было совершенное бѣгство; въ суматохѣ три орудія ихъ завязли въ канавѣ, были брошены, пролежали здѣсь нѣсколько дней и были привезены къ Орговскому посту Курдами на волахъ, собранныхъ у жителей; тогда только Турки убѣдились, что Русскихъ нѣтъ на правой сторонѣ Аракса. У Орговскаго поста отрядъ ихъ простоялъ болѣе полумѣсяца, и отсюда шайки баши-бузуковъ разѣзжали свободно повсему Сурмалинскому участку, лежащему на правой сторонѣ Аракса, между этою рѣкою и турецкою границею. Около того же времени небольшая партія Курдовъ, собравшаяся въ турецкомъ городѣ Кагызманѣ, напала на с. Кульпы, гдѣ находятся соляныя кони и хорошія казенныя зданія и магазины, разграбила и раззорила все и увезла заготовленную соль. Весь край на правой сторонѣ Аракса былъ преданъ расхищенію; безпорядки распространились; старинная ненависть, или, вѣрнѣе сказать, презрѣніе музульманъ къ христіанамъ и новая нелюбовь къ чиновникамъ Армянамъ, пали на Армянъ-хлѣбопашцевъ. Многіе изъ нашихъ Татаръ и Курдовъ соединились съ турецкими баши-бузуками, и вмѣстѣ съ ними грабили армянскія селенія, угоняли скоть, убивали жителей и оскорбляли женщинъ,—неуспѣвшихъ уйти съ нашими войсками на лѣвую сторону Аракса. Съ наступленіемъ холодовъ, въ ноябрѣ, турецкій отрядъ ушелъ обратно въ Баязетскій санджакъ. Вмѣстѣ съ нимъ ушли въ Турцію многіе музульмане Эриванской губерніи, замѣшанные въ грабежахъ и убійствахъ, и вступили въ турецкую службу; число ихъ, служившихъ въ одномъ турецкомъ Баязетскомъ отрядѣ, простиралось въ началѣ 1854 года до

300 человекъ. Горы отдѣляющія Эриванскую губернію отъ Турціи, покрываются зимой глубокимъ снѣгомъ и дѣлаются иногда трудно проходимыми даже для всадниковъ и пѣшихъ. Непріязненные дѣйствія прекратились по необходимости. Съ уходомъ Турокъ, часть войскъ Эриванскаго отряда перешла опять на правую сторону Аракса въ Сурмалинскій участокъ, опустошенный непріателемъ, и отрядъ этотъ, увеличившійся еще однимъ баталіономъ, расположился на зимовыхъ квартирахъ: на правой сторонѣ Аракса, 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка въ селеніи Кульпахъ, 1-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка въ д. Арабъ-Керлю и 5-й баталіонъ того же полка въ с. Амаратъ; при каждомъ батальонѣ находилось по два орудія легкой № 7-й батареи 21-й артиллерійской бригады; Донской № 23-го полкъ сталъ по сотнямъ въ с. Игдырѣ и другихъ, лежащихъ между расположеніемъ пѣхоты; на лѣвой сторонѣ Аракса остались въ Эчміадзинѣ и лежащемъ возлѣ него с. Вагаршапатъ 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго полка и при нихъ два орудія той же батареи. Зима прошла спокойно.

Впродолженіи зимы и весны 1854 года, обстоятельства и взаимное положеніе наше и непріятеля немного разяснились. Побѣда одержанная надъ Турками при Башъ-Кадыкъ-Ляръ и свѣдѣнія собранныя о размѣщеніи турецкихъ силъ, указывали, что ближайшій и единственный врагъ Эриванскаго отряда былъ турецкій Баязетскій отрядъ, расположенный близъ Баязета на дорогахъ идущихъ отъ этого города къ Эривани; что можно было неопасаться движенія значительныхъ войскъ непріятеля мимо главнаго нашего Александропольскаго отряда, отъ Карса и Кагызмана чрезъ Арпачай на Сардаръ-Абадъ и Эчміадзинъ къ Эривани, о чемъ ложные слухи такъ часто тревожили Эриванскій отрядъ въ 1853 году, и что подобное движеніе Турокъ, осо-

бенно регулярныхъ войскъ, было почти невозможно въ этомъ направленіи, гдѣ вовсе не существуетъ хорошихъ дорогъ, и во всякомъ случаѣ опасно болѣе для нихъ, чѣмъ для насъ. Слѣдовательно, теперь всѣ предположенія будущихъ дѣйствій Эриванскаго отряда могли быть безошибочно разсчитываемы относительно турецкаго Баязетскаго отряда. Положеніе сдѣлалось болѣе опредѣлительно и точно, но вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому и судя по дѣйствіямъ 1853 г., болѣе затруднительно для насъ, потому-что всѣ матеріальныя преимущества Турокъ на этомъ театрѣ войны постоянно увеличивались и передъ открытіемъ кампаніи 1854 года были положительно на сторонѣ ихъ.

Весною 1854 года начальникомъ Эриванскаго отряда былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель. Отрядъ этотъ входилъ въ составъ корпуса, дѣйствовавшего противъ Турокъ въ Азій подѣ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова, который командовалъ лично главною частію корпуса, Александропольскимъ отрядомъ. Противъ Александропольскаго отряда стояла турецкая Анатолійская армія, опираясь на Карсъ. Важнѣйшія дѣйствія и главные вопросы войны должны были рѣшиться на пространствѣ между Александрополемъ и Карсомъ. Эриванскій отрядъ, составляя лѣвый флангъ дѣйствующаго корпуса и находясь въ 100 верстахъ отъ Александропольскаго отряда и главнаго театра войны, не могъ принять прямого участія въ главныхъ дѣйствіяхъ и даже имѣть на нихъ вліяніе; назначеніе его состояло только въ охраненіи Эриванской губерніи. Не было повидимому никакой опасности оставить его въ оборонительномъ положеніи и бездѣйствіи, — а потому, вѣроятно, признали возможнымъ неувеличивать его регулярными войсками, хотя генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель, принимая въ соображеніе возможность наступленія Турокъ въ пре-

восходномъ числѣ, неоднократно просилъ о присылкѣ подкрѣпленій. Отрядъ увеличили только, въ Апрѣлѣ 1854 года конно-музульманскимъ № 4-го полкомъ, сформированнымъ изъ мѣстныхъ жителей и состоявшимъ изъ трехъ сотенъ музульманъ и двухъ сотенъ Армянъ, и въ половинѣ мая дивизиономъ легкихъ орудій батарейной № 5-го батареи 21-й артиллерійской бригады и двумя сотнями бекской дружины, сформированной изъ бековъ, т. е. дворянъ Эриванской губерніи. Такимъ-образомъ передъ открытіемъ кампаніи 1854 года Эриванскій отрядъ состоялъ изъ поименованныхъ выше пяти баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ въ двухъ находилось по три а въ трехъ по четыре роты, всего 18 ротъ, 12-ти орудій, шести сотенъ Донскаго казачьяго полка и семи сотенъ мѣстной милиціи, всего около 3¹/₂ тысячъ человекъ.

Пѣхота и артиллерія отряда принадлежали къ лучшимъ кавказскимъ войскамъ, были уже испытаны въ военныхъ трудахъ, обстрѣлены и надежны для боя. Донской казачій № 23-го полкъ, полковника Хрещатицкаго 2-го, неучаствовалъ въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ; стычки съ Турками были первые опыты его военного поприща; но былъ хорошъ въ хозяйственномъ отношеніи; люди исправны, лошади сыты и надежны. Въ конно-музульманскій № 4-го полкъ всадники были наняты на шесть мѣсяцевъ на счетъ жителей Эриванской губерніи; наемную плату выдали имъ впередъ собственно для заведенія коня и оружія; въ бекскую дружину беки поступали по охотѣ или по наряду, безъ платы на заведеніе коня и оружія; и тѣ и другіе въ продолженіи своей службы получали отъ казны жалованье и деньги на говядину, муку и фуражъ. Содержаніе ихъ обходилось дорого; но могу сказать впередъ на основаніи послѣдующихъ опытовъ, что польза отъ нихъ невелика. Здѣшніе жители музульмане и Армяне, не отличаются воин-

ственностію, и кромѣ того трудно было водворить порядокъ и дисциплину между людьми собранными прямо на войну отъ сохи, безъ предварительнаго обученія, и нанятыми только на шесть мѣсяцевъ. Бѣольшая часть всадниковъ конно-музѣльманскаго полка, въ продолженіи шести мѣсячной службы своей въ отрядѣ, по одиночкѣ оставляли ряды и уѣзжали домой проживая тамъ сколько имъ казалось надобнымъ, иногда возвращались къ полку добровольно, а чаще высылались какъ бѣжавшіе, по сношенію военнаго начальства съ мѣстнымъ начальствомъ Эриванской губерніи. Если бы съ милиціонерами поступить по всей строгости нашихъ законовъ, то пришлось бы разстрѣлять по одиночкѣ цѣлый полкъ, и послѣ перваго примѣра безсомнѣнія не нашлось бы ни одного охотника поступить опять на службу: русское начальство по необходимости смотрѣло на отлучки ихъ снисходительно и ограничивалось только арестомъ виновныхъ. Въ содержаніи аванпостовъ эти милиціонеры не надежны; отрядъ не можетъ довѣряться имъ и спать спокойно; если ихъ поставить на посту однихъ, то можно быть увѣрену, что они уйдутъ ночью спать куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Для атаки они совершенно негодны; при малѣйшей неудачѣ они разсѣются и разойдутся по домамъ; при разбитіи непріятеля они займутся грабежомъ и обираемъ убитыхъ и раненыхъ, своихъ и чужихъ. Говорили, что польза милиціи, временная и случайная, заключается въ томъ, что при сомнительныхъ обстоятельствахъ, въ нее отвлекаютъ изъ народонаселенія безпокойныхъ людей, приучаютъ жителей къ русской службѣ и дѣлаютъ ихъ воинственными. Первая причина едва-ли дѣйствительна, по-крайней-мѣрѣ въ Эриванской губерніи; потому-что 700 человекъ, взятыхъ изъ всего народонаселенія губерніи, ослабляютъ очень мало число безпокойныхъ и опасныхъ людей, тѣмъ болѣе, что

на службу высылають самыхъ бѣдныхъ, смиренныхъ и немѣющихся въ краѣ никакого вліянія, а вторая можетъ-быть болѣе ошибка, чѣмъ польза. Единственная польза милиціи въ азіатской войнѣ можетъ состоять въ томъ, что она увеличиваетъ видимую численность войска, выгода двусмысленная, полезная только при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ обѣихъ сторонъ; потому-что для непріятеля воинственнаго и счастливаго, она умножить славу побѣды надъ многочисленною толпою, точно также какъ однимъ бесполезнымъ своимъ присутствіемъ она отниметъ у небольшого числа нашихъ баталіоновъ славу пораженія непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго. Впрочемъ, продолжительныя дѣйствія вмѣстѣ съ русскими войсками, частыя встрѣчи съ непріателемъ, успѣхи и надежды добычи, могутъ одѣлать милиціонеровъ мало-по-малу болѣе воинственными. Нѣтъ сомнѣнія, что дисциплина и регулярное устройство были бы полезны и для нихъ, какъ для всѣхъ и вездѣ, и что сформированные изъ нихъ батальоны были бы не хуже баталіоновъ сипаевъ.

Не знаю, какой планъ дѣйствій имѣли Турки, но судя по распоряженіямъ ихъ надо полагать, что они придавали болѣшую чѣмъ мы, важность своимъ дѣйствіямъ и своему твердому положенію близъ границъ Персіи. Изъ свѣдѣній, получавшихся чрезъ лазутчиковъ и другими путями, видно было, что Баязетскій отрядъ въ продолженіи зимы и весны постоянно увеличивался регулярными войсками и баши-бузуками, и потому я буду называть его корпусомъ. По наиболѣе вѣрнымъ показаніямъ, численность его простиралась къ маю мѣсяцу 1854 года до 16-ти тысячъ человекъ, въ томъ числѣ 9-ть тысячъ пѣхоты и 7 тысячъ кавалеріи; молва увеличивала число это до 30-ти тысячъ и къ нимъ ожидали еще прибытія нѣсколькихъ тысячъ человекъ изъ г. Вана. Безсомнѣнія, безпорядки которые про-

извели бы успѣхи Турокъ между мусульманскимъ населеніемъ Эриванской губерніи и всего края до Каспійскаго моря, значительно увеличили ли бы для насъ затрудненія войны и могли имѣть вліяніе на положеніе Персіи. Извѣстно было, что Турки распространяли въ Эриванской губерніи въ 1853 году воззванія, которыми призывали музульманъ къ возстанію и возбуждали ихъ религіозный фанатизмъ и ненависть къ христіанамъ. Вторженіе ихъ осенью 1853 года показало, что безпорядки могли распространяться въ нашихъ закавказскихъ областяхъ между народонаселеніемъ, состоящимъ изъ разныхъ племенъ, находящихся между собою постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ, частію кочевыхъ, полудикихъ и любящихъ безпорядки безъ всякихъ политическихъ расчетовъ, по одной любви къ грабежу и добычѣ. Отъ какихъ бы причинъ не произошли волненія въ Эриванской губерніи и какъ бы они ни были ничтожны, но они могли способствовать въ нѣкоторой степени успѣхамъ Турокъ, а тѣмъ болѣе могли внушить имъ надежды на успѣхъ. Ктому же, близъ Баязета проходить большая караванная торговая дорога, по которой провозятъ изъ Трапезонта въ Тавризъ и далѣе въ центральную Азію безчисленное количество европейскихъ, преимущественно англійскихъ, произведеній. Для Англичанъ охраненіе и безопасное положеніе этого пути было можетъ-быть важнѣе, чѣмъ самые успѣхи Турокъ въ Эриванской губерніи, и можетъ-быть Баязетскій корпусъ не имѣлъ другаго назначенія.

Въ апрѣлѣ снѣгъ на горахъ, отдѣляющихъ Эриванскую губернію отъ Турціи, растаялъ; горы сдѣлалось проходимы; въ маѣ мѣсяцѣ былъ уже подножный кормъ; военныя дѣйствія становились возможны. Въ виду возможности наступленія Баязетскаго корпуса прежде всего представлялся вопросъ о невыгодѣ разобщеннаго положенія Эриван-